

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

СЛАВЯНСКОЕ
И БАЛКАНСКОЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

БАЛТО-СЛАВЯНСКАЯ
КОМПАРАТИВИСТИКА
АКЦЕНТОЛОГИЯ
ДАЛЬНЕЕ РОДСТВО ЯЗЫКОВ

Москва
2023

УДК 81

С 47

Авторы:

Дж. Д. Бенгтсон, В. Блажек, Р. В. Булатова, Ж. Ж. Варбот,
М. Вильянуэва-Свенссон, М. Л. Гринберг, М. А. Живлов, Н. Круглый-Энке,
С. Л. Николаев, Ю. В. Норманская, М. В. Ослон, И. С. Пекунова, Т. Пронк,
С. С. Скорвид, С. Хабиянец, О. Хилль

Редколлегия серии:

А. Ф. Журавлев (председатель), В. С. Ефимова,
И. А. Седакова, С. М. Толстая, Т. В. Цивьян

Редколлегия выпуска:

С. Л. Николаев (ответственный редактор), И. С. Пекунова,
Анастасия К. Поливанова, М. Н. Саенко, М. Н. Толстая

Рецензенты:

д. ф. н., академик РАН А. Е. Аникин, д. ф. н. А. А. Плотникова

С 47 Славянское и балканское языкознание. Вып. 23. Балто-славянская компаративистика. Акцентология. Дальнее родство языков. Памяти Владимира Антоновича Дыбо / отв. ред. С. Л. Николаев. — М.: Институт славяноведения РАН, 2023. — 504 с., илл.

ISBN 978-5-7576-0492-3

ISSN серии 2658-3372

Очередной том серии «Славянское и балканское языкознание» содержит монографию «Балто-славянская компаративистика. Акцентология. Дальнее родство языков. Памяти Владимира Антоновича Дыбо» международного коллектива авторов. Разделы коллективной монографии посвящены обсуждению новейших результатов исследований в области балто-славянской акцентологии и морфологии на индоевропейском фоне, индоевропейской фонологии, восточнославянской фонетике, русской и славянской этимологии, родству языковых макросемей.

The current volume of the series “Slavic and Balkan Linguistics” contains a monograph titled “Baltoslavic Comparative Studies. Accentology. Distant Language Relations. Vladimir A. Dybo in memoriam” by an international team of authors. The collective monograph's sections are dedicated to discussing the latest research results in the field of Balto-Slavic accentology and morphology against the Indo-European background, Indo-European phonology, East Slavic phonetics, Russian and Slavic etymology, and the kinship of language macrofamilies.

© Коллектив авторов, текст, 2023

© Институт славяноведения РАН, 2023

DOI: 10.31168/2658-3372.2023.23

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
<i>Дж. Д. Бенгтсон (США)</i> Северный баскский: хеттский сино-кавказской макросемьи.....	9
<i>В. Блажек (Чехия)</i> *S(ъ)varogъ.....	28
<i>Ж. Ж. Варбот (Россия)</i> Диалектные дополнения к некоторым славянским этимологиям	35
<i>М. Вильянуэва-Свенссон (Литва)</i> Акцентуация ins. pl. ā-склонения в старолитовском	39
<i>М. Л. Гринберг (США), С. Хабиянец (Словакия)</i> Акцентологические наблюдения к реконструкции праславянского диалекта в Паннонии	53
<i>М. А. Живлов (Россия)</i> Генезис индоевропейской оппозиции глухих и звонких придыхательных смычных в свете данных внешнего сравнения.....	66
<i>Н. Круглый-Энке (Франция)</i> Алговакашский (амерзийский) – пятая ветвь борейской мегасемьи языков?.....	79
<i>С. Л. Николаев (Россия)</i> Новые данные по исторической фонетике восточнославянских языков	179
<i>Ю. В. Норманская (Россия)</i> Как возникло разноместное ударение в языке сето	248
<i>М. В. Ослон (Польша)</i> Ещё к вопросу о происхождении литовских инессива и иллотива	257
<i>И. С. Пекунова (Россия)</i> Акцентуация <i>i</i> -глаголов в двух староштокавских памятниках XV в....	292

<i>Т. Пронк (Нидерланды)</i>	
Славянские существительные <i>и</i> -склонения и их акцентуация	383
<i>С. С. Скорвид (Чехия)</i>	
<i>Колготки, окáрдион</i> и «поправление» ударения в чешских переселенческих говорах России и Украины	409
<i>О. Хилль (Германия)</i>	
3-е лицо единственного и множественного числа настоящего времени в славянских языках	426
<i>Р. В. Булатова (США)</i>	
Воспоминания	460
Библиография трудов В. А. Дыбо	481

Ю. В. НОРМАНСКАЯ

Как возникло разноместное ударение в языке сето¹

В 2008 г. была издана книга «Реконструкция прафинно-волжского ударения» (Норманская 2008). В ней мы обратились к пяти проблемам финноволжского сравнительно-исторического языкознания, которые кажутся на первый взгляд не связанными между собой: 1) генезис систем вокализма в современных мордовских языках; 2) происхождение двух типов спряжения в марийском языке; 3) происхождение третьего типа склонения существительных (с основой на ударные гласные) в марийском языке; 4) происхождение редуцированных гласных в марийском языке; 5) генезис системы вокализма в саамском языке. Эти вопросы были в последние сто лет предметом оживленных дискуссий. Нам удалось показать, что эти далекие друг от друга фонологические и грамматические явления развивались в зависимости от одного очень важного и ранее не учтенного праязыкового фактора: подвижного ударения, не фиксированного грамматически или фонетически, которое должно быть реконструировано для прафинно-волжского языка. Место этого ударения (на корне или на окончании) без изменения сохранилось в а-основах в современном мокшанском языке. В последующие годы был проведен поиск схожих явлений: разноместного ударения и его влияния на развитие системы вокализма – в других уральских языках. Материал приходилось собирать по крупицам. Вначале было, в общем, непонятно, существуют ли еще такие системы, поскольку во всех наиболее авторитетных книгах указано, что ударение в уральских языках фиксировано на первом слоге. Действительно, практически во всех словарях, изданных в XX в., указание на место ударения отсутствует. А там, где оно отмечено, как в коми-пермяцком (Баталова, Кривошекова-Гантман 1985) и коми-язьвинском (Лыткин 1961) языках, ударение автоматическое и зависит от качества гласных. Еще ударение отмечено в словаре лесного ненецкого (Попова 1978) языка, но при соотнесении этих данных с более авторитетным словарем (Lehtisalo 1956) исследователи ранее предполагали, что в лесном ненецком отмечалась долгота, которая и указана в словаре Т. Лехтиса-

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФ № 20-18-00403.

ло. Далее было выявлено, что во многих дореволюционных словарях, книгах, опубликованных и неизданных архивных материалах, собранных в разное время в коми, хантыйском, мансийском, ненецком, селькупском языках, отмечено разноместное парадигматическое ударение. Полный анализ этих данных был опубликован в монографии (Норманская 2018).

Недавно был издан словарь эстонского диалекта языка сето (Käsi 2016), в котором также отмечено разноместное ударение. Это прибалтийско-финский язык малочисленной этнической группы сето, проживавшей в юго-восточной части Эстонии (уезды Вырумаа и Пылвамаа), Печорском районе Псковской области России (с 1920 по 1940 гг. – в уезде Петсери Эстонской Республики) и прилегающих районах. В рамках работы по гранту РНФ № 20-18-00403 «Цифровое описание диалектов уральских языков на основании анализа больших данных» летом 2021 г. были проведены экспедиции как в районы проживания эстонских сето: в д. Обинница, волость Сетумаа, уезд Вырумаа, Эстония, так и к российским сето: в д. Изборск в Печорском районе Псковской области. Были собраны аудиословари от двух печорских сето из д. Изборск и от трех эстонских сето из д. Обинница. Они доступны на платформе ЛингвоДок lingvodoc.ispras.ru.

Анализ фонетических особенностей диалекта печорских сето² показал, что в нем есть некоторые отличия от транскрипции эстонского диалекта языка сето в словаре (Käsi 2016), которая подтверждается и аудиоматериалом, собранным нами, также доступным на ЛингвоДоке.

1) Регулярное употребление *f* в соответствии с *ś*, например, печор. *f'õ* – эст. *śoo* 'этот', печор. *tæuf* – эст. *täüś* 'полный'. Это изменение, учитывая реконструкцию, предложенную в (UEW), можно считать инновационным.

2) Нерегулярное появление *e* в печорском диалекте в ряде случаев в соответствии с *ä* в эстонском диалекте языка сето по словарю (Käsi 2016): печор. *pe* – эст. *pää* 'голова', печор. *pejv* – эст. *päiv* 'солнце', которое встречается наряду с печор. *æ*: печор. *mægi* – эст. *mägi* 'гора', печор. *tæht* – эст. *tähí* 'звезда'. Это изменение также можно считать инновационным.

3) Регулярное употребление печор. *tɛ* в соответствии с *ts*, *ds* в эстонском диалекте сето по (Käsi 2016), ср. печор. *teirk* – эст. *tsirk* 'пти-

² Отличия приводятся по аудиословарю <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/3987/54/perspective/3987/55/view>.

ца', печор. *kntc* – эст. *küüds* 'ноготь'. В этих случаях, по реконструкции (UEW), у печорских сето сохранилась более архаичная ситуация.

Есть и другие отличия, встреченные однократно. Безусловно, необходим сбор более полного полевого материала у печорских сето с целью комплексного анализа изоглосс, отличающих его от эстонского диалекта.

В настоящей статье мы остановимся на описании ударения в языке сето в именах, которые имеют финно-угорское происхождение. Анализ показал, что система ударения принципиально не отличается у российских и эстонских сето. Ниже будут приведены примеры по словарю <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/4056/45883/perspective/4056/45884/view>, который был собран в д. Обиница.

Нами были проанализировано место ударения у имен финно-угорского происхождения с точки зрения экспериментальной фонетики в программе Praat. Было выявлено, что соотношения долготы и интенсивности гласных³ зависят от качества гласных первого и второго слогов. Отдельно следует рассматривать слова с узкими гласными в первом слоге и широким во втором слоге, поскольку у них длительность гласного первого слога (Д1) всегда меньше длительности гласного второго слога (Д2) и релевантным признаком, который носителями русского языка воспринимается как ударение, является только интенсивность гласного. Интересно, что у остальных слов, наоборот, релевантным признаком является только длительность гласного первого или второго слога, поскольку интенсивность всегда маркирует первый слог. С нашей точки зрения, такая система не может описываться как полноценное ударение, сравнимое, например, с русским языком, поскольку она в большинстве случаев выражается лишь долготным противопоставлением. Но, учитывая тот факт, что в словах с узкими гласными в первом слоге и широкими во втором противопоставление выражено интенсивностью, можно предположить, что ранее это было ударением, которое позже, вероятно, под влиянием контактов с носителями эстонского языка, начало перестраиваться и заменяться на удлинение гласных с фиксированной интенсивностью на первом слоге, как это характерно и для большинства прибалтийско-финских языков. Именно это удлинение в словаре (Käsi 2016) в ряде случаев отмечается как двойной гласный, например, *uu*, *oo*, *aa*, ср. *kuuldma* 'слышать', в других – как ударение на первом слоге, ср. *`andma* ~ *`anma* 'да-

³ Д1, Д2 – длительность первой и второй гласных; И1, И2 – интенсивность первой и второй гласных.

вать»; иногда отмечается и удвоенный гласный, и ударение, например, `aaśtak 'год'. При этом экспериментально-фонетический анализ пока не выявил принципиальных отличий между этими случаями, во всех представлено некоторое удлинение гласного первого слога, которое для `aa vs. `a не имеет принципиальных отличий ни по абсолютной, ни по относительной длительности.

С другой стороны, можно отметить, что эти долготные противопоставления не соответствуют какой-либо этимологической прибалтийско-финской долготе, что также подтверждает гипотезу о их вторичном образовании.

Возникает вопрос, какая историческая реальность стоит за исчезающим «ударением» в сето, которое перерождается в долготные противопоставления? Связано ли это с финно-волжским ударением, которое в свою очередь является наследием прауральского ударения, описанного в (Норманская 2018). Для ответа на этот вопрос обратимся к анализу слов сето, имеющих соответствия в других финно-волжских языках и позволяющих точно установить место праязыкового ударения.

Кратко здесь приведем правила реконструкции ударения, разработанные в (Норманская 2018)⁴.

1) Если в мордовских языках в первом слоге слова представлен гласный *a, o, e, ä*, то ударение в финно-волжском языке реконструируется на первом слоге; если в первом слоге гласный *u, ə, θ, i⁵*, то ударение реконструируется на втором слоге.

2) Широкий прапермский гласный первого слога указывает на ПП I и II а. п., а узкий – на ПП III и IV а. п., также для определения прапермского места ударения диагностическими в первую очередь являются нижнеиньвенские коми-пермяцкие глагольные формы. У Семушевой Г. П. из с. Тимино совпали III а. п. и I а. п., но они отличаются от IV а. п., поэтому для иллюстрации различия между III и IV а. п. мы приводим иллюстративный материал по ее диалекту.

3) Для прасамодийского языка мы приводим праформу из словаря (Janhunen 1977), если она там представлена. Место ударения в ПС также определяется по качеству гласных: широкий ПС гласный возникает только в позиции под ударением, *ə – только в безударной позиции, узкие гласные могут быть как ударными, так и безударными, место ударения

⁴ Здесь приводятся только случаи, которые релевантны для разбора слов в сето.

⁵ Единственный случай, когда *i* в первом слоге не указывает на праязыковое ударение на втором слоге, это *i < ФУ *e*.

можно определить по ударению/долготе в ненецкой словоформе или по ударению в южно- и центрально-селькупской словоформе, в которых представлены суффиксы с плюсовыми акцентными маркировками.

4) Для прахантыйского языка диагностическими для определения места ударения являются иртышские формы по архиву М. А. Кастрена и низямские производные имена из наших полевых записей.

5) Для прамансийского диагностическими являются глагольные формы юкондинского, обского и сосвинского диалектов из наших полевых записей.

Прауральская акцентная парадигма реконструируется на основании сопоставления места ударения в дочерних праязыках:

ПУ I а. п.: ФВ I а. п. – ПП I а. п. – ПС I а. п. – ПХант. I а. п. – ПМанс. I или III а. п.

ПУ II а. п.: ФВ I а. п. – ПП II а. п. – ПС I а. п. – ПХант. I а. п. – ПМанс. II или IV а. п.

ПУ III а. п.: ФВ I а. п. – ПП III а. п. – ПС II а. п. – ПХант. II а. п. – ПМанс. II или IV а. п.

ПУ IV а. п.: ФВ II а. п. – ПП IV а. п. – ПС I а. п. – ПХант. I а. п. – ПМанс. I или III а. п.

Ниже приведем примеры слов сето, у которых известна праязыковая акцентная парадигма, см. подробнее (Норманская 2008; Норманская 2018).

I группа: слова НЕ с гласными *i, i* в первом слогe

1.1. Д1 < Д2, И1 ≥ И2 коррелирует с ФВ I акцентной парадигмой < ПУ I–III акцентной парадигмы:

1) *lámmi* ‘теплый’ (Д1 0.09, И1 81.1; Д2 0.13, И2 79.0) < ПУ *lämpV ‘теплый’ (UEW: 685) ПУ I–III а. п. > ФВ I а. п. (морд. эрз. *lémbe, lämbä*, мокш. *lämben* (Paasonen 1992: 1108), мар. *leváš* (2 спряжение);

2) *sátá* ‘сто’ (Д1 0.08, И1 84.7; Д2 0.16, И2 75.3) < ФУ *sata ‘сто’ (UEW: 467) ПУ I–III а. п. > ФВ I а. п. морд. эрз. *sádo*, мокш. *sádä* (M) (Paasonen 1996: 2083);

3) *vesi* ‘вода’ (Д1 0.09, И1 81.6; Д2 0.19, И2 74.3) < ПУ *wete ‘вода’ (UEW: 570) ПУ III а. п. > ПС II а. п. *wit (сельк. Пар. *ýdǎ́* ‘вода; водка’, *ýdǎ́gǔ* ‘промокнуть’, *ýmáǎǔgǔgǔ* ‘напоить, спить’, *ýdǎ́unǔgǔ* ‘пить’);

4) *sulá* ‘талый’ (Д1 0.05, И1 77.2; Д2 0.13, И2 74.1) < ФУ *sula ‘таять’ (UEW: 450) ПУ III а. п. > ФВ I а. п. (морд. *sola-* ‘таять’) – ПП III а. п. (коми-перм. тим. *sila* ‘я таю’) – ПХант. II а. п. (хант. низ. *tudáti*);

5) *kúsi* ‘моча’ (Д1 0.08, И1 78.07; Д2 0.11, И2 75.3) < ПУ *kuñce ~ *kuice ‘моча’ (UEW: 210) ПУ III а. п. > ПП III а. п. (коми *gžž* ‘ноготь’) – ПС II а. п. (*kâtä ‘ноготь’ (Janhunen 1977: 155)) – ПМанс. II а. п. (обск. *kosxáti* ‘царапается’, *kosxáteit* ‘царапаются’);

6) *muná* ‘яйцо’ (Д1 0.05, И1 76.1; Д2 0.12, И2 72.9) < *muna ‘яйцо’ (UEW: 285) ПУ III а. п. > ФВ I а. п. (морд. *mona* ‘яйчко’ (Raasonen 1992: 1282)) – ПС II а. п. (*mǝnǝ ‘яйцо’ (Janhunen 1977: 86));

7) *teré* ‘лезвие’ (Д1 0.09, И1 82.0; Д2 0.17, И2 80.2) < ФУ *terä ‘острие’ (UEW: 522) ПУ I а. п. > ПП I а. п. удм. *tir* ‘топор’;

8) *jokí* ‘река’ (Д1 0.08, И1 82.09; Д2 0.27, И2 78.3) < ПУ *joke ‘река’ (UEW: 99) ПУ III а. п. > ПП III а. п. (коми *ju*) – ПС II а. п. (*jǝká) – ПХант. II а. п. (хант. ирт. *Jeagá* ‘река’ – хант. низ. *juǝán* ‘река’);

9) *pǝmtǝx* ‘темный’ (Д1 0.10, И1 81.6; Д2 0.15, И2 81.0) < ПУ *pǝlmV ‘темный’ (UEW: 381) ПУ I или II а. п. > ПП I а. п. (коми *remǝd* ‘темный’) – ПС I а. п. (ненец. *pǝewǝde*);

10) *varás* ‘ворон’ (Д1 0.07, И1 76.9; Д2 0.10, И2 76.5) < ПУ *warV ‘ворон’ (UEW: 559) ПУ III а. п. > ФВ I а. п. (морд. эрз. *varaka*, *varsej*, *varǝcej*, *varǝcej*, *varksij*, *varksij*, мокш. *varsi*, *varci*) – ПС II а. п. (**wǝr-* ‘ворона’ (Janhunen 1977: 170)) – ПХант. II а. п. (хант. низ. *wurǝá*);

11) *palá* ‘кусок’ (Д1 0.07, И1 68; Д2 0.15, И2 68) < ПУ *pala ‘кусок’ (UEW: 350) ПУ I или II а. п. > ФВ I а. п. (морд. *pal* ‘кусок (о продуктах), мясо’ (Raasonen 1994: 1510)) – ПП I а. п. (коми *palak* ‘пласт; ком, комок (земли, навоза, снега)’) – ПС I а. п. (**pǝlá-* ‘глотать’ (Janhunen 1977: 116));

12) *kalá* ‘рыба’ (Д1 0.07, И1 76; Д2 0.12, И2 76) < ПУ *kala ‘рыба’ (UEW: 119) ПУ I или II а. п. > ФВ I а. п. (морд. *kal* (Raasonen 1992: 574)) – ПС I а. п. (*kǝlá ‘рыба’ (Janhunen 1977: 59));

1.2. Д1 ≥ Д2, И1 ≥ И2 коррелирует с ФВ II акцентной парадигмой < ПУ IV акцентной парадигмы:

1) *órav* ‘белка’ (Д1 0.11, И1 75.7; Д2 0.11, И2 70.2) < ФП *ora ‘белка’ (UEW: 343) ПУ IV а. п. > ФВ II а. п. (морд. эрз. *ur*, мокш. *urá* ‘белка; копейка’ (Raasonen 1996: 2461)) – ПП IV а. п. (*ur* ‘белка’);

2) *kórga* ‘высокий’ (Д1 0.12, И1 75.4; Д2 0.12, И2 71.7) < ФП *korkV ‘высокий’ (UEW: 672) ПУ IV а. п. > ФВ II а. п. (морд. мокш. *kuRka* ‘глубокий’);

3) *póiskone* ‘мальчик’ (Д1 0.07, И1 86.2; Д2 0.06, И2 83.6) < ФП *rojka ‘мальчик’ (UEW: 339) ПУ IV а. п. > ФВ II а. п. (морд. эрз. *bujo*, *pijo* ‘внук, внучка’ (Raasonen 1990: 147)) – ПП IV а. п. (коми *pi*).

II группа: слова с гласными *i, i* в первом слоге

II.1. Д1 < Д2, И1 ≤ И2 коррелирует с ФВ I акцентной парадигмой < ПУ I–III акцентной парадигмы:

1) *inǎp* ‘больше’ (Д1 0.08, И1 74.8; Д2 0.11, И2 78.9) < ПУ *enǎ ‘большой, много’ (UEW: 74) > ФВ I а. п. (морд. эрз. *inǎ*, мокш. *inǎ* ‘большой’ (Raasonen 1990: 463)) – ПП III а. п. (коми *una* ‘много’) – ПС I а. п. (*inǎ ‘старший брат’ (Janhunen 1977: 27));

2) *imǎ* ‘мама’ (Д1 0.04, И1 71.8; Д2 0.12, И2 76.2) < ПУ *imV ‘старая женщина, бабушка’ (UEW: 83) > ПС II а. п. (**imz-* ‘старая женщина, бабушка’ (Janhunen 1977: 27)) – ПХант. II а. п. (*Ima* Castrén, хант. низ. *imi*);

3) *sisǎlik* ‘ящерица’ (Д1 0.05, И1 64.6; Д2 0.06, И2 66.4) < ПУ *sVǎčV (*sVǎčV-IV) ~ *sVčV (*sVčV-IV) ‘ящерица’ (UEW: 454): ПП I а. п. (коми *čoǎul*) – ПС I а. п. (*tlǎnsǎ ‘ящерица’ (Janhunen 1977: 151)).

II.2. Д1 < Д2, И1 ≥ И2 коррелирует с ФВ II акцентной парадигмой < ПУ IV акцентной парадигмы:

1) *milǎ* ‘весло’ (Д1 0.09, И1 78.9; Д2 0.18, И2 75.8) < ФП *melǎ ‘весло, кормовое весло’ (UEW: 701) > ФВ II а. п. (морд. эрз. *mile* ‘весло’, мокш. *mǎlǎnǎ* ‘разливательная ложка’ (Raasonen 1992: 1262));

2) *igǎ* ‘возраст’ (Д1 0.11, И1 74.2; Д2 0.23, И2 73) < ПФУ *jikǎ (*ikǎ) ‘возраст, год’ (UEW: 98) > ФВ II а. п. (морд. эрз. *ije*, мокш. *ij* (Raasonen 1990: 441)).

Итак, можно видеть, что наблюдается определенная корреляция между ПУ и ФВ а. п. и соотношением долготы и интенсивности гласных первого и второго слогов в именах в сето:

если в ФВ языке представлена I а. п. (< ПУ I, III а. п.⁶), то в сето долгота гласного второго слога будет больше долготы гласного первого слога;

если в ФВ языке представлена II а. п. (< ПУ IV а. п.), то в сето долгота гласного первого слога будет больше или равна долготе гласного второго слога, за исключением слов с первым узким гласным: *i, i*, у которых второй гласный будет всегда более длительным, но при ФВ I а. п. максимальная интенсивность будет маркировать гласный второго слога, а при ФВ II а. п. – гласный первого слога.

Безусловно, в будущем планируется собрать полный аудиословарь исконной лексики языка сето и проверить на нем полученные

⁶ Рефлексы имен с ПУ II а. п. в собранном материале в сето не представлены.

результаты. Интересно также обследовать глаголы, в парадигме которых было выявлено разноместное парадигматическое ударение, но для этого необходимо в будущем собрать полные парадигмы глаголов финно-угорского происхождения.

В настоящее время можно отметить, что в языке сето, вероятно, сохранились реликты прафинноволжского ударения. Пока это единственный прибалтийско-финский язык, в котором удалось выявить хотя бы частичное сохранение этого явления.

СОКРАЩЕНИЯ

- коми-перм. тим. – тимкинский говор коми-пермяцкого языка
мар. – марийский язык
морд. мокш. – мокшанский язык
морд. эрз. – эрзянский язык
ненец. – ненецкий язык
обск. – обский диалект мансийского языка
печор. – печорский диалект языка сето
ПМанс. – прамансийский язык
ПП – прапермский язык
ПС – прасамодийский язык
ПУ – прауральский язык
ПХант. – прахантыйский язык
сельк. Пар. – полевые материалы по селькупскому языку, собранные в 2009 г. в с. Парабель Томской области
удм. – удмуртский язык
ФВ – финно-волжский язык
ФП – финно-пермский язык
ФУ – финно-угорский язык
хант. ирт. – иртышский диалект хантыйского языка по материалам М. А. Кастрена
хант. низ. – низямский диалект хантыйского языка
эст. – эстонский диалект языка сето

ЛИТЕРАТУРА

- Баталова, Кривошекова-Гантман 1985 – *Баталова Р. М., Кривошекова-Гантман А. С.* Коми-пермяцко-русский словарь. М., 1985.
Лыткин 1961 – *Лыткин В. И.* Коми-язьвинский диалект. М., 1961.
Норманская 2008 – *Норманская Ю. В.* Реконструкция прафинно-волжского ударения. М., 2008.
Норманская 2018 – *Норманская Ю. В.* Реконструкция прауральского разноместного ударения и его влияние на развитие системы вокализма. М., 2018.

- Попова 1978 – *Попова Я. Н.* Ненецко-русский словарь. Лесное наречие. Szeged, 1978.
- Janhunen 1977 – *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977 (Castrenianumin toimitteita. 17).
- Käsi 2016 – *Käsi I.* Seto sõnastik. Eesti Keele Instituut, 2016.
- Lehtisalo 1956 – *Lehtisalo T.* Juraksamojedisches Wörterbuch. Helsinki, 1956 (LSFU 13).
- Paasonen 1990–1996 – *Paasonen H.* Mordwinisches Wörterbuch. Bd. I–IV. Helsinki, 1990–1996.
- UEW – *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986–1989.

Yulia V. Normanskaya

Institute of Linguistics of the RAS;
Ivannikov Institute for System Programming
of the RAS, Moscow, Russia

Relics of the Volga-Finnic accent in the Seto language

In the summer of 2021 an expedition was conducted to the areas of residence of Seto: in the village of Izborsk, in the Pechora district of the Pskov region of Russia, Obinnica Setumaa Parish, Vyrumaa County, Estonia. Audio dictionaries were collected from two Pechora Seto from D. Izborsk, and from two Estonian Seto from Obinitsa. They are available on the LingvoDoc platform lingvodoc.ispras.ru. In this article we will focus on the description of the stress in the Seto language in names that have Finno-Ugric origin. The analysis showed that the stress system is not fundamentally different between Russian and Estonian setos. We have analysed the placement of stress in the names of Finno-Ugric origin from the point of view of experimental phonetics in the Praat program. It was found that there is a certain correlation between Proto Volga-Finnic accent paradigms and the ratio of the length and intensity of the vowels of the first and second syllables in the names in Seto. It can be noted that the Seto language probably has preserved relics of the Proto Volga-Finnic accent. So far, this is the only Baltic-Finnish language in which it has been possible to identify at least a partial preservation of this phenomenon.